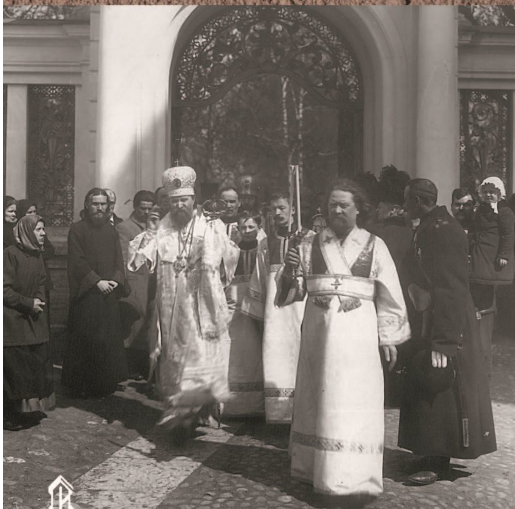

ПРОТОИЕРЕЙ
ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ

ИСТОРИЯ 1900
РУССКОЙ 1927
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ

Георгий Митрофанов

История Русской Православной

Церкви. 1900-1927

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50216442
История Русской Православной Церкви. 1900-1927:
ISBN 5-7373-0262-8*

Аннотация

1900–1927 годы... Путь Русской Православной Церкви, по трагичности и, одновременно, подвигу истинной верности и самоотвержения, сравним разве что с древнейшими временами христианства.

Труд протоиерея Георгия Митрофанова, преподавателя Санкт-Петербургских Духовных школ, члена Синодальной Комиссии по канонизации, посвящен истории Русской Церкви этого трудного периода.

В основу книги положены магнитофонные записи лекций, прочитанных автором в Санкт-Петербургской Духовной Семинарии в 1995–1996 учебном году.

Активное использование архивного материала; глубокое проникновение в логику исторических событий; острота, а порой, и полемичность авторской позиции делают эту книгу необходимой для всех, кому важна и интересна история Русской Церкви и история России.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	8
Вопрос Высшего Церковного Управления	8
Записка митрополита Антония	17
Особое Совещание при комитете министров	21
Предложения епархиальных архиереев	27
Жизнеописание митрополита Антония (Вадковского)	34
Предсоборное Присутствие	53
Обзор политических партий	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Протоиерей Георгий
Митрофанов
История Русской
Православной
Церкви. 1900-1927**

© Протоиерей Георгий Митрофанов, текст, 2002

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление,
2002

Предисловие

История Русской Православной Церкви XX века является одной из наиболее актуальных и перспективных тем в церковно-исторической науке. Ставшая доступной для объективного научного исследования лишь на рубеже 1980-1990-х годов, данная тема уже обусловила за последние годы появление нескольких сборников исторических документов и церковно-исторических работ, дающих представление о многих значительных событиях и этапах истории Русской Православной Церкви XX века.

В связи с тем, что основные исторические источники по данной теме, особенно те из них, которые находятся в государственных архивохранилищах, пребывают в настоящее время лишь на первоначальном этапе своего научного изучения, ни одна из опубликованных в предшествующее десятилетие работ не может считаться исчерпывающим исследованием по истории Русской Православной Церкви XX века. Вместе с тем, новейший период русской церковной истории уникален: трагизм времени и судеб, невиданный в предшествующие эпохи расцвет подвижничества и исповедничества. Все это делает изучение истории Русской Православной Церкви XX века одним из важнейших средств духовно-нравственного воспитания современных православных христиан.

Для православного читателя данная книга может быть полезна еще и потому, что содержащаяся в ней картина русской церковной жизни периода 1900–1927 гг. позволяет лучше представить великое значение подвига новомучеников XX века, канонизация которых является одним из важнейших духовных начинаний, призванных преобразить церковную жизнь современной России.

Книга представляет собой первую часть литературно отредактированного варианта магнитофонной записи лекций по истории Русской Православной Церкви XX века, прочитанных автором в Санкт-Петербургской Духовной Семинарии в 1995–1996 учебном году.

Это обстоятельство обуславливает то, что, несмотря на многочисленность извлечений из исторических документов, приводимых в тексте, книга не содержит научно-справочного аппарата, который бы позволил читателям в полной мере представить ее источниковедческую базу. В то же время перечень приводимых здесь церковно-исторических документов мог бы быть существенно дополнен историческими источниками, введенными в научный оборот и использованными автором при чтении лекций в последующие годы.

Хронологические рамки данной книги (1900–1927 гг.) выбраны неслучайно. На рубеже XIX–XX веков обострились все противоречия русской жизни: социальные, политические, духовные. Поместный Собор 1917–1918 гг. восстановил каноничное Высшее Церковное Управление в Русской

Православной Церкви. Совпавшее с периодом проведения Поместного Собора начало многолетних гонений на Церковь богоборческого коммунистического государства обусловило не имеющую прецедентов эпоху русской истории. Однако все первое десятилетие своего существования в условиях непрекращавшихся гонений Русская Православная Церковь сохраняла каноническое единство всего православного епископата и последовательно пыталась не допустить вмешательства государства во внутрицерковную жизнь. Лишь в 1927 г., в результате изменений, внесенных митрополитом Сергием в политику отношений с коммунистическим государством, стало неизбежным формальное отделение от митр. Сергия как части епископата Русской Православной Церкви, находившегося в эмиграции, так и многих авторитетных церковных иерархов, осуществлявших свое служение в Советской России.

Протоиерей Георгий Митрофанов

Часть I

1900–1917 гг

Вопрос Высшего Церковного Управления

В соответствии с законами Российской Империи, Высшее Церковное Управление осуществлялось следующим образом: «Император есть верховный хранитель и защитник догматов господствующей веры. В управлении церковном самодержавная власть действует посредством Святейшего правительствующего Синода, ею учрежденного». К началу XX века первенствующим иерархом в Русской Православной Церкви, то есть первенствующим членом Синода, являлся митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) – иерарх, внесший огромный вклад в подготовку Поместного Собора, до которого, к сожалению, ему было не суждено дожить. Что касается системы церковного управления, то все оставалось по-прежнему – так же, как было в предшествующем столетии. Синодальная бюрократия из Петербурга жестко контролировала епархиальную жизнь. Права епархиальных архиереев были ограничены. В епархиях сохранялось двоевластие: епархиальный архиерей и духовная конси-

стория, которая была подотчетна именно синодальной бюрократии.

В приходской жизни, за исключением городских приходов, положение, к сожалению, менялось мало. Городское духовенство было неплохо обеспечено материально, и к началу XX века его уровень был очень высок. Скажем, в Петербурге и Москве практически все духовенство имело академическое образование. Впрочем, несмотря на то, что этот период ознаменовался мощными религиозными исканиями в русской литературе, философии и в русской культуре в целом, статус священника в широких слоях русского образованного общества оставался не очень высоким. Ограниченное в своих правах на приходах, даже на приходах городских, обездоленное материально на приходах сельских, духовенство испытывало комплекс социальной неполноценности. В начале XX века обнаруживается очень тревожная тенденция: городские священники стараются отдавать своих детей не в Духовные Семинарии, а в гимназии, в реальные училища, в кадетские корпуса.

Духовные Семинарии все больше пополняются детьми сельского духовенства, и нередко туда начинают поступать представители других сословий (это был, безусловно, хороший момент), но сословий низших, потому что и купцы, и мещане, и состоятельные крестьяне старались отдавать своих детей все-таки не в Духовные школы. Одновременно из года в год уменьшается число выпускников Духовных Семи-

нарий, принимающих священнический сан. Облегчение поступления после Семинарии в светские учебные заведения ведет к тому, что все больше семинаристов уходит из клировой жизни, получив образование за церковный счет.

Налогообложение духовенства несколько уменьшается, но, по-прежнему, большая часть приходских священников не получает даже жалования. Вот одна только цифра 1914 года: для выплаты хотя бы минимального жалования всем священникам требовалась государственная дотация более, чем в 50 млн. рублей. Но в 1914 году эта дотация была немногим больше 18 млн. рублей. Это вело к тому, что большая часть духовенства оставалась без жалования. И это несмотря на то, что образовательный уровень духовенства все это время повышался.

Что касается монастырской жизни, здесь были, безусловно, позитивные тенденции. Количество монастырей увеличивалось, расцветала их духовная жизнь. Достаточно вспомнить Оптиную Пустынь и ее значение в русской жизни.

В начале XX века появился своеобразный преемник Оптиной Пустыни в церковном служении – Зосимова Пустынь. А появление таких уникальных монастырей – это всегда признак того, что в целом монашеская жизнь развивается весьма интенсивно.

Велико было влияние русской церковной культуры – оно усиливалось с каждым годом. Все больше деятелей русской культуры начинали обращать свой взор к Церкви. Но, наря-

ду с этим, имела место и другая тенденция: несмотря на то, что лучшие представители русской литературы, философии, искусства обращались к Церкви, основная масса русской интеллигенции оставалась настроенной антицерковно, антиклерикально и, к тому же, политически очень радикально. Атеизм все больше начинает проникать в народные массы; политизация народных масс, в свою очередь, сопровождалась их расцерковлением. Итак: лучшие представители русской культуры обращаются к Церкви, а народ от Церкви отходит.

Эта тенденция проявляется на разных уровнях. Даже кружки самообразования среди рабочих к концу XIX – началу XX века в крупных промышленных городах, как правило, возглавляются людьми, которые, наряду с пропагандой радикальных политических идей, пропагандируют еще и атеизм. Крестьянский быт все больше и больше секуляризуется, а авторитет священника уменьшается. Через крестьян-отходников, которые какое-то время работают в городе, а потом опять возвращаются в деревню, распространяются радикальные политические идеи, которые сопровождаются антицерковными лозунгами. Этой тенденции чрезвычайно сложно противостоять. Ибо церковно-приходские школы, а их в начале XX века было уже более 40 тысяч, находятся в очень тяжелом материальном положении. Земская школа, как правило, возглавляется людьми из той самой земской интеллигенции, которая часто настроена антицерковно.

Приходское служение священников не дает им возможности активно заниматься воспитанием своих пасомых. Поэтому нередко крестьяне становятся достоянием пропагандистов с радикальными политическими и антицерковными идеями. Для того, чтобы противостоять этой тенденции, Церкви нужно было активизировать свою приходскую деятельность. А приходы по-прежнему не имели права юридического лица, права собственности; они были связаны «по рукам и ногам» бюрократическими ограничениями, которые не позволяли на уровне прихода решать очень многие вопросы церковно-просветительского, социального характера. Но и на епархиальном уровне многое контролировалось не только консисторской, но часто и светской бюрократией, ибо Русской Церкви, в отличие от иных конфессий, требуется санкция светской власти на то, чтобы открыть больницу или новый приход.

* * *

А теперь несколько цифр, которые позволят представить тот итог, с которым Русская Православная Церковь пришла к началу XX века.

Число епархий – 64, викариатств – 40. Соотношение плохое. Оно говорит о том, что у нас огромные епархии, в которых правящему архиерею очень сложно. Только в Петербургской епархии было 4 викария. Итак, в начале XX века

в Русской Православной Церкви было: более 100 епископов, свыше 50 тыс. приходских храмов, около 100 тыс. белого духовенства, включая священников и диаконов, 1000 монастырей, 50 тыс. монашествующих. По переписи населения 1915 года в России насчитывалось 182 млн. человек, из числа которых – 115 млн. православных. Таким образом, было 50 тыс. приходов на 115 млн. человек – очень мало. Были епархии, в которых духовенство, большей частью, было «часовенным». Например, в Олонецкой епархии священник, кроме того, что служил в храме, должен был посещать и служить обедни еще в десятке часовен. В большинстве деревень этой епархии не было приходских храмов, а были часовни, и то не в каждой деревне.

Духовное образование осуществлялось в 4-х Академиях, в которых училось почти 700 студентов. В 6 °Семинариях, 100 духовных училищах, 100 епархиальных училищах и 40 тыс. церковно-приходских школ училось около 215 тыс. человек.

Ненормальность положения в области церковно-общественной жизни проявлялась особенно остро в сфере государственной. Поводом к пересмотру существующей синодальной системы явилась необходимость осуществления серьезных государственных преобразований.

В конце XIX века Россия пережила громадный экономический подъем. Началась очень глубокая и интенсивная индустриализация страны. Бывали годы, когда объем про-

мышленного производства возрастал в 2 раза за один год. Этот удивительный экономический рост России справедливо связывался с деятельностью министра финансов при дворе Александра III Сергея Юльевича Витте, который впоследствии стал главой кабинета министров. Есть даже такое понятие – «виттовская индустриализация России».

Но вслед за экономическим ростом последовал неизбежный на том уровне развития России промышленный кризис 1900–1903 годов, который резко обострил очень многие проблемы в государственной, общественной и экономической жизни. Активизировалась социальная борьба, причем, в этой социальной борьбе – рабочих с предпринимателями, крестьян с помещиками и государством – стали принимать участие непримиримо настроенные политические радикалы из создававшихся тогда политических партий. Эта борьба сразу приобрела очень острый характер. Происходит огромное число забастовок, которые, наряду с экономическими, выдвигают радикальнейшие политические требования – вплоть до низвержения монархии и установления республики.

В деревнях начинаются погромы помещичьих усадеб, то есть выступления с применением насилия со стороны крестьян. Обнаруживается одна из очень важных проблем нашей жизни: индустриализация осуществлялась, по существу, за счет игнорирования сельского хозяйства. Возникает необходимость серьезной корректировки курса преобразо-

ваний. Обострение ситуации заставляет государство поставить вопрос об экономических, а, значит, и о политических реформах.

В 1904 году 12 декабря появляется императорский указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Этот указ содержал некоторые общие положения, которыми должен был руководствоваться министр внутренних дел при разработке проекта об изменениях в государственной жизни. Императорский указ включал в себя пункт шестой: «О веротерпимости», в котором говорилось о том, что в общественную и государственную жизнь России необходимо внести элемент веротерпимости. Форму реализации указа должен был выработать комитет министров. Императорский указ и дал толчок к тому, чтобы в комитете министров поставили вопрос о возможности каких-либо изменений в религиозно-общественной жизни России, а значит, возможно, и в жизни Православной Церкви. На заседание комитета министров был приглашен первенствующий член Синода митрополит Антоний (Вадковский), который имел очень большой вес в комитете министров, к нему с большим уважением относился Витте, а впоследствии и Столыпин. Влияние митрополита Антония было велико еще и потому, что в этот период времени он пользовался благоволением Победоносцева и вдовствующей императрицы Марии Феодоровны. Митрополит Антоний на этом заседании высказался за то, чтобы начала веротерпимости и уравнивания

конфессий были внесены в русскую религиозно-общественную жизнь, подчеркнув, что гонения на иноверцев несовместимы с духом Православной Церкви, и государство должно видеть свою главную задачу не в ограничении прав иноверцев, а в том, чтобы как можно больше дать возможностей самой Православной Церкви в осуществлении своей деятельности.

Записка митрополита Антония

В феврале 1905 года по указанию митрополита Антония была составлена записка-меморандум. Она была написана профессорами Санкт-Петербургской Духовной Академии и представляла собой первый за многие десятилетия, исходивший от церковной иерархии, проект возможных преобразований в сфере церковного управления – в связи с общими изменениями в нашей религиозно-общественной жизни. В записке указывалось на то, что если будет четко проведен принцип равенства всех вероисповеданий, то Русская Православная Церковь окажется в худшем положении. Если мусульманам или протестантам нужно создать свое религиозно-просветительское общество – они его организуют и уведомят об этом светскую власть. Нужно им открыть больницу, духовную школу, храм – они просто уведомят об этом власть и спокойно осуществляют свое начинание. Русская же Православная Церковь оказывалась в очень сложном положении, потому что для создания православной больницы, прихода, журнала нужна была не только санкция Синода, но и местной государственной власти. Епархиальный архиерей (как и приходы) не мог полностью контролировать финансовые средства в епархии, все должно проходить через Синод, согласовываться с обер-прокурором.

До 1905 года инославные конфессии тоже должны были

многие вопросы координировать с государственной властью. Но если им будет дана свобода, а об этом речь и шла, и митрополит Антоний против этого не возражал, то надо одновременно такую же свободу дать и Православной Церкви, дать ей возможность свободного осуществления по канонам принадлежащих ей функций. Эта записка-меморандум митрополита Антония и стала четким документом, излагающим основные насущные вопросы русской церковной жизни, которые надо было как можно быстрее решать. Записка эта была небольшая, мы остановимся лишь на некоторых основных пунктах. Текст ее недавно был полностью опубликован. В записке указывалось на то, что в ближайшее время необходимо созвать совещание всех архиереев, с участием представителей приходского духовенства и мирян, для обсуждения насущных вопросов русской церковной жизни. При этом подчеркивалось, что представители правительства не должны участвовать в этом совещании. Выражаясь нормальным каноническим языком, это совещание – Поместный Собор. Митрополит Антоний, хорошо понимая, какое раздражение может вызвать у Победоносцева само слово «Собор», не употребляет его, но говорит о нем как о совещании, которое не предполагает внесения в нашу церковную жизнь практику постоянного созыва.

Какие вопросы должны быть рассмотрены на этом совещании? Прежде всего, пишет митрополит Антоний, вопросы взаимоотношений Церкви и государства. Православной

Церкви должна быть дана большая свобода в управлении своими внутренними делами, чтобы она могла свободно руководствоваться церковными канонами и морально-религиозными потребностями своих членов, была освобождена от прямой государственно-политической миссии и могла восстановить свой нравственный авторитет. Церковь в своей внутренней жизни должна руководствоваться канонами, а каноны не предусматривают существования той синодальной системы, которая была у нас. Далее в записке говорилось о необходимости воссоздать самоопределяющийся приход, вернуть ему право юридического лица, право собственности, дать ему возможность во многих своих начинаниях (социальных, благотворительных, просветительских) быть самостоятельным.

Митрополит Антоний указывает на то, что приходским священникам должно быть предоставлено право участвовать в работе земств – в той или иной форме, что необходимо сделать возможным для епископов прямой доступ в комитет министров для решения тех или иных вопросов, то есть дать возможность решать какие-то важные вопросы не только через обер-прокурора, а непосредственно через правительство. Речь, таким образом, шла о весьма скромных требованиях, но в перспективе – о радикальном изменении синодальной системы.

Митрополит Антоний понимал, что Победоносцев отнесется к этому чрезвычайно критически и поэтому предпочел

отправить свою записку как в правительство, так и непосредственно Императору Николаю II. Витте, возглавлявший комитет министров, поддержал идеи, содержащиеся в записке. Это интересная деталь, ведь Витте, в отличие от Столыпина, не отличался особой личной религиозностью, он был индифферентен к церковной жизни, но здесь он оказывается соратником митрополита Антония, а такой верующий человек, как Победоносцев, встанет у него на пути самым решительным образом. Подача этой записки непосредственно Императору создавала очень интересный прецедент: через голову обер-прокурора, но в соответствии с буквой российских законов, первенствующий член Синода обращался к тому, кто по закону являлся главой церковной иерархии. Император принял записку благосклонно и начал изучать. Нужно помнить, что Победоносцев, который был воспитателем Николая II, по сути обладал почти монопольным правом на консультирование Императора по всем церковным вопросам.

Особое Совещание при комитете министров

В то же время, в феврале 1905 года, Витте образовал при комитете министров Особое Совещание по церковным вопросам, в которое вошли: один из самых образованных и блистательных наших иерархов того времени – епископ Сергий (Страгородский) и группа профессоров Духовной Академии. Они должны были более конкретно разработать проект возможных изменений в положении Церкви. Среди профессоров: Заозерский, Тихомиров, Павлов, Суворов. Это Особое Совещание разработало еще один документ – «О современном положении Церкви». Будучи приглашенными главой комитета, профессора чувствовали себя более свободно, чем митрополит Антоний, и многие вещи называли своими именами.

В документе Особого Совещания синодальная система прямо называется неканоничной, ставится вопрос о немедленном созыве Поместного Собора с участием приходского духовенства и мирян. Предлагается ряд мер, направленных на децентрализацию управления (речь шла о возвращении законных права епархиальным архиереям), на улучшение положения духовенства, реформу Духовных школ.

Записка привела в ярость Константина Петровича Победоносцева по ряду причин. Во-первых, это было явным вме-

шательством в сферу деятельности обер-прокурора; во-вторых, Победоносцев был не только против церковных преобразований, но и против государственных, и считал Витте одним из самых зловредных государственных деятелей России. В-третьих, он был возмущен, что правительство через его голову обращается к царю по церковным вопросам. 12 марта 1905 года Победоносцев поручил обер-секретарю синодальной канцелярии Рункевичу составить возражение против записки Витте. Аргументация этого возражения была очень слаба и сводилась к попытке доказать каноничность синодальной системы.

Мнение Победоносцева было следующим: синодальная система стала органичной составной частью русской церковной жизни. И хотя он не мог не видеть противоречия между синодальной системой и канонами, он исходил из следующего: Россия идет по особому пути, синодальная система – плод самобытной жизни Русской Православной Церкви.

Действительно, Государи в России и до Петра I вмешивались в церковную жизнь. Петр это вмешательство юридически оформил, но оформил, исходя из опыта протестантских государств. Последнее обстоятельство Победоносцев игнорировал, считая, что ограничение прав Императора в церковной жизни приведет к ее разрушению. Он искренне отстаивал эту точку зрения, считая, что мир идет к концу, и любые перемены могут оказаться очень вредными. Это был консерватор, который, по характеристике К. Леонтьева,

«умерщвлял все живое, что появлялось вокруг него». В то же время для народа Победоносцев был тем, кто отстаивал традиционные формы церковной жизни. В каком-то смысле слова, у него был менталитет протестанта, который ценил Православие как форму культурно-исторического самовыражения Русского народа, и это делало его, сильнейшего юриста, совершенно равнодушным к аргументам иерархов, говоривших о неканоничности синодальной системы. В ответ на возражение Победоносцева в марте 1905 года появляется записка Витте, подготовленная для него профессорами Духовной Академии, в которой очень четко развенчивается аргументация Победоносцева.

Между митрополитом Антонием и Победоносцевым возникает конфликт. Победоносцев считает, что митрополит Антоний интригует против него, и настаивает на том, чтобы обсуждение церковных проблем было перенесено в Синод, а Особое Собрание – упразднено. Он надеялся, что в Синоде все архиереи выступят вместе с ним против митрополита Антония.

Вопрос был перенесен в Синод, который, однако, не оправдал надежд Победоносцева. 22 марта 1905 года в Синоде была составлена записка к Государю. В записке Синод, ссылаясь на каноны (например, 4-е и 5-е постановления Никейского Собора, где говорится о созыве Поместных Соборов каждые полгода), обосновывал необходимость созыва Поместного Собора, на котором необходимо избрать Пат-

риарха. Состав Синода должен быть изменен, избираться он должен на Соборе и действовать как орган при Патриархе, а не при Государе. Победоносцев был обескуражен тем, что Синод, столько лет бывший ему полностью послушным, выступил против него.

31 марта Николай II, ознакомившись с запиской синодалов, наложил резолюцию о готовности созвать Собор в благоприятное для сего время. Я думаю, что тогда это не было отговоркой. Император действительно поддержал идею созыва Собора, но ситуация в стране была очень сложная.

Победоносцев, увидев, что Император готов пойти навстречу сторонникам Собора, решил опереться на епархиальных архиереев. Он считал, что решение Синода – результат давления на него митрополита Антония, и поэтому поставил на Синоде вопрос о том, чтобы все епархиальные архиереи до конца 1905 года представили свои мнения о целесообразности церковных преобразований. Соответствующий указ появился 27 июля 1905 года. Каждый архиерей мог высказать свою точку зрения не только на преобразования, но и вообще на положение дел в Церкви. Победоносцев не был против разового совещания, но о патриаршестве он и слышать не хотел, считая, что возглавление иерархии самодержавным Государем – самое благоприятное для Церкви в России.

В это время события в политической жизни продвигались вперед. Необходимость реформ все более осознавалась

в высших кругах, результатом чего стал манифест Императора от 17 октября 1905 года о даровании широкого перечня свобод русскому обществу и о создании Государственной Думы с законодательными функциями. В апреле 1906 года, после внесения изменений в законы Российской империи и возникновения конституционной монархии, самодержавие перестало существовать в своем прежнем статусе – как неограниченная монархия.

Победоносцев был против всего этого. Он ждал результатов отзывов епархиальных архиереев. Но время не терпело. 17 апреля 1905 года правительство издало временное постановление о веротерпимости, которое даровало свободу всем конфессиям. Некоторые ограничения оставались для иудеев и для старообрядцев (позже и старообрядцы были полностью уравнены в правах), а в положении Православной Церкви ничего не менялось. Произошло именно то, чего боялся митрополит Антоний.

Желая активизировать полемику вокруг преобразований, Митрополит Антоний ждал благословения на опубликование в Церковном Вестнике, официальном органе печати, записки о необходимости перемен в русском церковном управлении. Записка, написанная тридцатью петербургскими священниками, которая впоследствии получила название «Записка тридцати двух», появилась 15 марта 1905 года. Среди этих священников мы видим и серьезных пастырей, и некоторых будущих обновленцев. В этой записке, адресованной

митрополиту Антонию, петербургские священники, а они считались элитой среди духовенства, поддерживали преобразования, предлагавшиеся митрополитом Антонием.

Кроме тех мер, о которых шла речь выше, в записке выдвигались справедливые требования об упразднении практики перемещения епископов с кафедры на кафедру, уравнивании всех епархий и кафедр, упразднении наград духовенству. Авторы записки настаивали на том, чтобы в приходском управлении присутствовало соборное начало, а настоятель опирался на мнение паствы. Кроме того, предлагалась выборность епископата и духовенства. Таким образом, эти требования были весьма радикальны.

Предложения епархиальных архиереев

Во второй половине 1905 года стали присылать свои записки епархиальные епископы. Эти записки были изданы в трех томах; затем вышел дополнительный том с записками, которые пришли позже. Все епископы, в той или иной форме, высказывались за предлагаемый перечень реформ. В частности, практически единогласно они высказались за созыв Поместного Собора. Все епископы высказывали неудовлетворенность тем, что происходит в Церкви в настоящее время.

По некоторым деталям созыва Поместного Собора архиереи разошлись во мнениях. 6 архиереев, в том числе Антоний (Храповицкий), Агафангел (Преображенский), Ермоген (Долганом), выступили против участия в Соборе приходского духовенства и мирян. 23 архиерея, в том числе митрополит Антоний (Вадковский); будущий кандидат в патриархи, епископ Арсений (Стадницкий); будущий глава одной из юрисдикций «зарубежников» Евлогий (Георгиевский); будущий священномученик Владимир (Богоявленский) и Сергей (Страгородский), выступали за то, чтобы представители приходского духовенства и мирян имели право участвовать в Соборе с правом решающего голоса. Большинство архиереев, то есть больше тридцати человек, высказались за то, что-

бы представители приходского духовенства и мирян участвовали в Соборах с правом совещательного голоса.

Обратите внимание: расхождения епископов во мнениях касались лишь принципов работы Собора. А они, как видим, были за два века основательно забыты. Опыт церковный в этом отношении, опыт предшествующих веков, мог дать очень серьезную пищу для размышления.

Хотелось бы обратить внимание на чрезвычайно интересные предложения епархиальных архиереев по вопросам епархиального управления. Большинство епископов высказалось за то, чтобы число епархий в Русской Церкви было увеличено в несколько раз. Если в это время епархия в России соответствовала по своей территории губернии (области), то епископы предлагали создать епархию в одном или нескольких уездах (районах). Они, тем самым, готовы были пойти на то, чтобы число епископов увеличилось у нас в два или в три раза. При этом материальное положение епископа, его общественный статус значительно изменились бы. По существу, епископ превращался бы в благочинного. Но епископы шли на это, исходя из того, что в течение веков в Русской Церкви архиереи занимались, главным образом, судебно-административными делами в своих епархиях, а такого близкого контакта с клиром и с паствой, какой имел место во многих других Православных Церквях, где епископские епархии территориально малы, не было. Епископы размышляли о существе дела, и это был признак того, насколько

ко у них было развито чувство ответственности за свое архиерейское служение, насколько они трезво воспринимали проблемы церковной жизни. Они предлагали на территории 8–10 епархий создавать митрополичий округ, управлять которым будет с титулом митрополита один из епархиальных архиереев. Именно такая система характерна для восточных Православных Церквей.

Далее епископы настаивали на том, чтобы был отменен действительно являющийся элементом Римо-Католической практики в Русской Церкви институт викарных епископов. Конечно, при столь обширных епархиях, какие были в то время, необходимость викарных епископов, непредусмотренных канонами, была обоснована. Но при предлагаемом варианте уездных епархий этот институт должен был бы отпасть.

Большинство епископов высказывалось за то, чтобы назначение на епископскую кафедру было пожизненным. Тем самым они отказывались от перспективы возвышения по иерархической лестнице и проявляли высокое чувство долга перед Церковью. Кроме того, пожизненное назначение делало епископов более независимыми от светской власти, убирало лишние, не всегда здоровые стимулы в их деятельности. Это предложение свидетельствует о мудрости иерархов, большинство из которых имело печальный опыт попадания на епископскую кафедру с различных церковно-административных и учебно-административных должностей. Традици-

онный путь епископа в те времена был таков: честолюбивый студент Духовной Академии принимал постриг в конце обучения и несколько лет пребывал на различных должностях (инспектор семинарии, ректор семинарии, инспектор Академии), а потом, не зная ни монастырской, ни приходской жизни, он назначался на епископскую кафедру и в итоге становился во главе епархии. Такое положение дел создавало множество практических проблем. Епископы предложили очень оригинальную, в церковной жизни себя оправдавшую, практику. Они высказались за то, чтобы, когда ставился вопрос о поставлении на кафедру епископа и Синод оказывался перед выбором: ставить монаха или вдового священника, предпочтение отдавалось последнему. Важно отметить, что практика наша показала, что епископы из вдовых приходских священников, знающие не понаслышке приходскую жизнь, оказываются очень достойными пастырями. Таковым был, например, митрополит Кирилл (Смирнов).

Данное предложение не отменяло монашества епископата, хотя некоторые епископы и высказывались за то, чтобы у нас была введена греческая практика поставления епископов только из рясофорных монахов. Мантийные монахи в Греции не имели право быть епископами и должны были находиться только в монастырях. Здесь епископы, большинство из которых прошли описанный выше путь от студента Академии до архиерея, весьма трезво высказывались за оздоровление епархиальной жизни.

Все архиереи высказались против выборности епископата.

Все архиереи в той или иной степени высказались за расширение прав прихода. Они требовали восстановления у прихода права юридического лица, права владеть собственностью. Они высказывались за расширение участия Церкви в общественной жизни, за преобразование церковного суда, что в тех условиях было чрезвычайно важно. Нам об этом сложно сейчас говорить, потому что церковный суд сейчас ни в епархиях, ни в Москве вообще не функционирует. Кроме того, многими епископами была высказана мысль о создании двух типов Духовных школ: общеобразовательной и пастырской, а также о создании богословских факультетов при университетах, что позволило бы активно богословски образовывать мирян и подключать их потенциал к церковной жизни.

В богослужебной области также были высказаны пожелания преобразований. В частности, это касалось очень больной темы сокращения богослужений. В предложениях епископов содержалась мысль о необходимости создания трех редакций Богослужебного устава: для монастырских, приходских и домовых храмов. Кстати сказать, это было поддержано и на Соборе 1917 года. Некоторые радикально настроенные епископы высказывались не просто за редактирование богослужебных книг, а за перевод богослужения на русский язык.

У большинства епископов содержались требования внесения таких изменений в государственные законы, которые бы охраняли церковную собственность от секуляризации, поскольку печальный опыт XVIII века мог у нас повториться в любой момент. Собственность Церкви, действительно, не была законодательно защищена от посягательств государства.

Таким образом, епархиальные архиереи не просто признали необходимость глубоких перемен, но во многом поддержали те идеи, которые были уже высказаны митрополитом Антонием, членами Синода и представителями церковной общественности. Победоносцев понял, что церковная иерархия не с ним, а против него. В это же время он переживал и еще одну, очень тяжелую для него, драму. Несмотря на его сопротивление, Император Николай II 17 октября 1905 года подписал составленный Витте манифест, который устанавливал не только множество свобод в различных сторонах государственной и общественной жизни, но и создавал орган, который ограничивал законодательные функции Императора – Государственную Думу. Победоносцев понял, что это первый шаг на пути к конституционному преобразованию Российской государственности.

Победоносцев видел, что епископы хотят ограничения функций самодержца в церковной жизни, потому что восстановление Поместных Соборов и патриаршества выведет Государя из того положения, в котором он находился, а он

был главой иерархии. Будучи человеком принципиальным, Победоносцев этого принять не мог и подал в конце 1905 года в отставку, а в 1907 году скончался.

Итак, хотя Поместный Собор еще не собрался, главное препятствие было устранено – Победоносцев ушел, а Император Николай II в это время был настроен к Собору весьма благожелательно. Когда 16 января 1906 года к Императору обратился новый обер-прокурор Синода князь Оболенский, который полностью был солидарен с Синодом в его желании собрать Собор, Император подписал указ об учреждении Предсоборного Присутствия, органа, который должен был подготовить созыв Поместного Собора в ближайшее время.

Жизнеописание митрополита Антония (Вадковского)

Александр Вадковский родился 3 августа 1846 года в селе Царевка Кирсановского уезда Тамбовской губернии, в семье священника Василия Вадковского. Тамбовская губерния была чрезвычайно интересна: с одной стороны, там было много язычников, мордвинов, а, с другой – немало святых. В детстве, когда его отца, бедного провинциального священника, посетил правящий архиерей епископ Феофан Затворник, он сугубо благословил именно младенца Александра, и это стало в семье знамением, что его ожидает особая судьба.

В 1860 году Александр закончил Тамбовское Духовное училище и поступил в Тамбовскую Духовную Семинарию. Там он нередко читал часы на службах у святителя Феофана Затворника и окормлялся именно у него. Вообще, у них было что-то общее в характерах, а именно – духовная трезвость.

В 1866 году, будучи 20 лет от роду, Александр поступил в Казанскую Духовную Академию. Семья его была бедна, его приняли казенным стипендиатом. Учился он весьма успешно и в 1870, заканчивая Академию, защитил магистерскую диссертацию. Он написал курсовое сочинение, которое было выдвинуто, исходя из его основательности, сразу на соискание степени магистра богословия. Специализи-

ровался Александр Вадковский по кафедре гомилетики. В 1871 году он остался доцентом на этой кафедре. Одновременно Александр работает не только как преподаватель, но и как ученый, и как редактор солидного журнала «Православный собеседник». Начался его путь академического профессора. Большая часть профессоров тогда в Казанской Духовной Академии были мирянами. Это характерная особенность для Духовных школ того периода времени.

В 1872 году Александр Вадковский вступил в брак с Елизаветой Дмитриевной Пеньковской. Брак этот был уникален. Молодой 28-летний доцент взял на себя тяжелый крест – его жена была тяжело больна туберкулезом, и он знал, что она обречена на смерть. Для благочестивого православного человека жениться на человеке смертельно больном – это тяжело еще и потому, что нормальный православный человек не думает, вступая в первый брак, о втором браке. Так что это был, действительно, поступок незаурядный. У него родилось двое детей, но через 7 лет его жена скончалась. Правда, его академическая карьера складывалась весьма неплохо, он к этому времени был уже экстраординарным профессором. Перечень ученых званий в Высших учебных заведениях в России был довольно многообразным: приват-доцент, адъюнкт-профессор, экстраординарный профессор, ординарный профессор, заслуженный ординарный профессор. Поскольку каждому профессорскому званию соответствовал определенный чин, то Александр в тот период

времени должен был получить чин статского советника. За этим стоял определенный общественный статус и материальное обеспечение.

Александр Васильевич воспитывал двух детей, вел преподавательскую деятельность, но его постигло еще одно страшное испытание. Однажды вечером к нему пришел сотрудник журнала «Православный собеседник». Они беседовали о журнальных делах, журналист тот был очень грустный, сказал, что у него дома дети болеют дифтеритом. Он ушел, а через несколько дней оба ребенка Александра Васильевича Вадковского заболели дифтеритом, и один за другим умерли. Это случилось в 1882 году. Ему было всего лишь 36 лет, он уже вдовец и человек, потерявший детей. Александр Вадковский для себя сделал выбор очень определенный – он решил принять монашеский постриг. 4 марта 1883 года его постригли с именем Антония Печерского в память об очень уважаемом им Казанском архиерее Антонии (Амфитеатрове). Он остался преподавателем. 6 марта отец Антоний уже иеромонах.

Его пострижение в монашество было воспринято профессорско-преподавательской корпорацией как какое-то юродство; он был вторым монахом после ректора среди преподавателей Казанской Академии, большинство же были миряне. Им казалось странным, что освободившийся от пут семьи вдовец, который вполне может еще вступить во второй брак, статский советник, у которого весьма благополучно склады-

вается карьера, вдруг обрек себя на такую жизненную стезю. Обратите внимание, как это характеризует ситуацию в Казанской Академии: профессора, которые преподают богословие, аскетику, не могут согласиться с тем, что один из коллег принимает монашество. Если мы вспомним митрополита Антония (Храповицкого), который побывал преподавателем в трех, а ректором в двух Академиях и вел нескончаемые битвы с профессорами, то поймем, почему они сформировали потом целую плеяду обновленчески настроенных священнослужителей.

14 ноября 1883 года иеромонах Антоний (Вадковский) был возведен в архимандриты и стал настоятелем Казанского Иоанновского монастыря, но продолжал оставаться профессором Духовной Академии. Это был прецедент, для Казанской Академии необычный. Хочется подчеркнуть, что Антоний не был монахом «условным», он действительно совершал в монастыре монастырскую службу, монашеское правило, и его монашество было своеобразным вызовом весьма секуляризованной профессуре Казанской Академии.

В 1884 году отец Антоний стал инспектором Казанской Духовной Академии, что было, безусловно, полезно, ибо он своим личным авторитетом человека аскетической жизни, своим монашеским саном подвигал студентов, к которым относился всегда весьма мягко, весьма терпимо, на действительно серьезную духовную жизнь. При этом он продолжал свою научную работу, но она, конечно, занимала меньше ме-

ста в его жизни.

В 1885 году в Казань приехал Константин Петрович Победоносцев. Он познакомился с архимандритом Антонием. Архимандрит Антоний произвел на него очень хорошее впечатление. Победоносцев оценил не только благочестивого монаха, но и хорошего церковного администратора, просвещенного ученого. Уезжая из Казани, всесильный тогда Победоносцев сказал ему, что он должен ожидать в ближайшее время перемен в своей жизни.

В 1885 году стали поступать сведения о том, что отцу Антонию готовится назначение в Петербург. Действительно, вскоре он был назначен инспектором в СПбДА. Это был только первый шаг к его, оказавшейся впоследствии блестящей, петербургской карьере. Пробыв два года инспектором, он 3 мая 1887 года был поставлен в епископы Выборгские и назначен ректором СПбДА, которая переживала период удивительного расцвета. Достаточно сказать, что это было время, когда в Академии сформировались такие выдающиеся наши иерархи, как Михаил (Грибановский), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский), Тихон (Беллавин).

Михаил (Грибановский) принадлежал к той плеяде русских богословов, которые поставили остро вопрос о необходимости освобождения русского богословия из пут западной схоластики. Он рано скончался, но продолжателями его идей были и Антоний (Храповицкий), и Сергей (Страгородский), и Иларион (Троицкий) – все те, кто в богосло-

вии очень много сделал именно для того, чтобы развенчать стереотипы схоластического сознания, прочно укоренившиеся в наших духовных школах. Например, юридическая теория сатисфакции, с которой боролись и Антоний (Храповицкий), и Сергей (Страгородский). Все они очень хорошо вспоминали об Антонии.

В Академии создавалась удивительная атмосфера. С одной стороны, поднялся ее научный уровень, с другой – епископ Антоний стремился к тому, чтобы студенты активно, уже со студенческой скамьи, приобщались к конкретному церковному служению. Он всячески поощрял участие студентов в приходской жизни, их просветительскую деятельность на приходах. В это время активизируется «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви». В содружестве с ним студенты Духовной Академии начинают активно заниматься просветительской деятельностью на приходах Санкт-Петербурга.

Фигура епископа Антония была чрезвычайно заметной, и через 5 лет, в 1892 году, он получил свою первую кафедру – стал архиепископом Финляндским. В это время его представили императрице Марии Феодоровне, которая весьма покровительствовала митрополиту Антонию, как и многим другим выдающимся деятелям нашей церковной и государственной жизни. Попав в Финляндию, архиепископ Антоний оказался в очень сложном положении. Дело в том, что Великое княжество Финляндское довольно давно получило ав-

тономию от российских Государей и жило самостоятельной жизнью. Что касается православных, то нужно иметь в виду, что подавляющая часть православных финнов (карелов) находилась на территории Олонецкой губернии, а в Финляндии православных финнов было очень мало, основную часть православных там составляли русские чиновники и военные; вопрос о Православной Миссии среди финнов в Финляндии стоял остро. Финское население относились к Православию очень настороженно, рассматривая Православие, как одну из форм усиления русского влияния в Финляндии. Этого финны не хотели, и нужно было проявлять чрезвычайную деликатность, что и было свойственно архиепископу Антонию. И он с безусловной деликатностью, но весьма активно осуществлял Православную миссионерскую деятельность.

За короткий промежуток пребывания его на кафедре число приходов в Финляндии возросло с 23 до 37 (это говорит о том, насколько слабые были позиции Православия в Великом княжестве Финляндском), было создано два журнала на русском и на финском языках, начала работу комиссия по переводу богослужебных книг на финский язык. Антоний создал первый женский монастырь в Финляндии, но главным своим делом, исходя из специфики религиозной жизни финнов-лютеран, он считал церковное просвещение. Весьма успешно создавались церковно-приходские школы (70 школ на 37 приходов), начался процесс постепенного обращения финнов в Православие, процесс очень медленный,

который существенно не повлиял тогда на религиозную ситуацию в Финляндии, но по существу этот процесс сделал впоследствии неизбежным возникновение существующей и ныне Финской Православной Церкви.

Исходя из специфики миссии в лютеранской стране, большое значение Антоний Вадковский уделял благотворительности. Он создал епархиальное попечительство (богадельню для православного духовенства и его семей). Но при этом он не растворился в деятельности внешней, социально-просветительской, а оставался монахом. Короткие периоды отдыха архиепископ Антоний проводил в Ильинском скиту на одном из островов Ладожского озера, где жил в простой монашеской келье, как простой монах, совершая монашеское правило.

Пребывание в Финляндии не изолировало архиепископа Антония от высшего церковного управления. В 1893 году он возглавил комиссию по диалогу со старокатоликами, которые тогда всерьез рассматривали перспективу возвращения в Православную Церковь. Эта перспектива, действительно, была чрезвычайно реальной: у старокатоликов не было еucharистического общения с протестантами, они не приняли постановлений Первого Ватиканского собора и имели православную догматику.

В 1892 году в Санкт-Петербурге появилась книга архиепископа Антония «Из истории христианской проповеди», где были собраны все его многочисленные работы по го-

милетике. Этот солидный фолиант стал основанием для того, чтобы в 1895 году Казанская Академия присвоила арх. Антонию докторскую степень.

В 1897 году состоялся исторический визит архиепископа Антония в Англию. Приглашение было по случаю шестидесятилетия королевы Виктории. Это был первый визит такого высокопоставленного иерарха Русской Православной Церкви в Англию, а тогда стоял вопрос и о диалоге с англиканами. Его личность произвела очень благоприятное впечатление, архиепископ Антоний получил докторские степени Кембриджского и Оксфордского университетов, самых главных университетов в Англии. Он проявил себя не только дипломатом, он проявил себя также и богословом, способным вести очень конструктивный диалог с инославными, свидетельствовать о Православии в стране, в которой, действительно, чрезвычайно сложно было поколебать протестантские устои. Тем не менее, пребывание в Англии Антония (Вадковского) открыло для него сердца многих англичан, с которыми он общался; это была очень успешная поездка.

Он вернулся в Россию, и в Рождество 1898 года появился указ о возведении его на кафедру Санкт-Петербургского митрополита после скончавшегося митрополита Палладия, далеко не лучшего иерарха, занимавшего эту кафедру. Первую свою литургию митрополит Антоний отслужил на Рождество в Исаакиевском соборе и 27 декабря въехал в митрополичьи покои в Александро-Невскую Лавру. Он стал

первенствующим иерархом Русской Церкви.

Хотелось бы обратить внимание на его удивительный стиль управления епархией, на его удивительный образ жизни. Митрополит Антоний восстанавливает основательно забытую нашими архиереями практику регулярного посещения тюрем, причем, он обязательно посещает тюрьмы в Светлую Седмицу, как это было в допетровской Руси (когда и царь посещал узников, и митрополит Московский). Он активно начинает организовывать материальную помощь заключенным, он возвращается к практике использования «права печалования».

Известна одна, чрезвычайно показательная, история. По делу о заговоре с целью покушения на Александра III, где проходил Александр Ульянов, проходил и один из профессорских стипендиатов СПбДА Новорусский (у него хранился динамит). Его приговорили не к смертной казни, а к длительному сроку заключения в Шлиссельбургской крепости.

Митрополит Антоний знал его еще по Академии, он посетил его в Шлиссельбургской крепости и, побеседовав с ним, пришел к выводу, что он раскаялся, и тогда владыка Антоний обратился к Императору с просьбой о помиловании Новорусского. Просьба эта была удовлетворена. Новорусский, освобожденный из Шлиссельбурга, приехал в Петербург, провел несколько дней в покоях митрополита Антония, а потом отправился в Выборг и жил жизнью мирного обывателя, никаких предосудительных действий он уже не

совершал.

Одновременно митрополит Антоний осуществлял очень большую деятельность в сфере социальной благотворительности. Он являлся председателем совета Императорского человеколюбивого общества, председателем Попечительства Марии Александровны о слепых, участвовал в деятельности созданного под покровительством императрицы Александры Феодоровны Братства во имя Царицы Небесной. Нужно сказать, что эта благотворительная деятельность митрополита Антония была колоссальных масштабов.

Вот несколько бытовых черт, чрезвычайно ярких. Оказавшись в Петербурге, митрополит Антоний отменил торжественные трапезы, парадный выезд. Он не имел никогда шелковой рясы и ходил всегда в шерстяной, по тем временам это, конечно, было удивительно – первенствующий иерарх Церкви так аскетичен. Оклад у него по тем временам был немалый: 4 000 – годовое содержание и 25 000 – доля кружечного сбора. Из этих 29 000 сразу шли в благотворительные организации, в которых он участвовал, – 27 000; а 2 000 он, как правило, раздавал клирикам, которые к нему приходили, раздавал всем тем, кто нуждался. При этом митрополит Антоний никогда ни к кому не обращался на «ты», что в церковной среде было необычным. Страх перед архиереем, имевший место во многих епархиях, в Петербургской епархии постепенно проходил, почему и духовенство здесь стало поднимать голову и старалось участвовать в каких-то цер-

ковных начинаниях. Он чувствовал за собой поддержку петербургского духовенства, почему и сам, со своей стороны, был так активен. Его мягкость, открытость, деликатность не мешали ему быть человеком принципиальным в вопросах, касающихся Церкви и веры. Вы уже имели возможность убедиться в его последовательной жесткой позиции в вопросе о восстановлении Поместного Собора и патриаршества.

Еще один пример, очень характерный для митрополита Антония – его участие в деле Льва Толстого.

Синод принял указ об отлучении от Церкви графа Льва Толстого 16 марта 1901 года. Указ напечатан в «Миссионерском обозрении», в июньском номере 1901 года. Это решение Синода обросло различными легендами. Вспомните, например, рассказ Куприна «Анафема», где главный герой, диакон, прочитав с умилением повесть Толстого «Казаки», вспоминает, что ему нужно идти в храм и провозглашать анафему Толстому, но он вместо анафемы произносит многолетие. Никакого распоряжения об анафематствовании Толстого в храмах не было, хотя, в принципе, после этого указа его можно было анафематствовать вместе с еретиками в чине Торжества Православия. Может быть, кто-то так и делал.

Толстой узнал об этом указе в Ясной Поляне. Отправляясь на прогулку, он увидел свежие газеты, прочитал указ и пошел гулять, а 4 апреля направил письмо в Синод. Как видите, сам Толстой ни в коей мере не оспаривает справедли-

вость синодального указа и лишний раз декларирует свои воззрения.

Эти воззрения – радикальное сектантство, которое, конечно, делает его во многих случаях еретиком. Интересно то, что этот указ Синода вызвал бурю возмущения со стороны «передовой» общественности, со стороны либеральных органов печати. Сами они, сплошь и рядом унижавшие Церковь, почему-то стали предъявлять Церкви какие-то претензии. Митрополит Антоний все спокойно и терпеливо переносил. Семейство Толстого имело связи в аристократических кругах. Но митрополит Антоний здесь был принципиален, и в истории нашей Церкви произошел акт чрезвычайно значимый.

Через два года митрополит Антоний принял участие в очень важном церковном событии – открытии мощей прп. Серафима Саровского и его канонизации. Нужно сказать, что за весь синодальный период у нас было всего 5 канонизаций, и только в царствование Императора Николая II канонизации стали осуществляться у нас очень последовательно, в соответствии с канонами. В этот период было осуществлено 7 канонизаций. Особенно важна канонизация прп. Серафима Саровского, ибо эта канонизация явила традиционное почитание святых в Русской Церкви как всенародное явление.

Эти годы, ознаменованные активной борьбой митрополита Антония за Собор, поставили его перед необходимостью

решать и качественно новые для Церкви задачи. Это было связано с тем, что после манифеста 17 октября 1905 года была учреждена Государственная Дума.

Отныне все законы, в том числе и законы, касающиеся Церкви, должны были предварительно обсуждаться, разрабатываться и приниматься появившимся в России двухпалатным Парламентом, состоящим из Государственной Думы, избиравшейся по определенному закону, и Государственным Советом, частично избиравшимся, частично состоявшим из лиц, назначенных Государем. При этом совершенно естественно, что в Государственную Думу должны были попадать люди и инославных исповеданий, и просто враждебные Церкви. Эти люди вдруг получали возможность обсуждать решения государственной власти законодательного характера, которые имели отношение к Церкви. Причем, в таком положении оказалась именно Православная Церковь. Например, синодальная смета, которая определяла объем помощи государства Церкви, должна была утверждаться в Государственной Думе и Государственном Совете – притом, что материальное положение иных конфессий никакого контроля со стороны этих органов не имело.

Возникла, действительно, серьезная проблема. Как ее можно было решить? Радикальный способ решения этой проблемы – серьезные изменения Основных Законов России и, хотя бы, выведение законов, касающихся Церкви, из компетенции Государственной Думы и Государственного Сове-

та с тем, чтобы Синод обсуждал какие-то вопросы, и только Государь имел бы право утверждать синодальные решения. Но такого рода изменения не были осуществлены вплоть до 1917 года, поэтому уже в 1905–1906 гг. остро встал вопрос о том, как относиться к возможности участия духовенства в деятельности Государственной Думы. Может быть, считали многие, стоит попытаться церковной иерархии принять участие непосредственно в деятельности Государственной Думы, чтобы, во-первых, как-то повлиять на ее политику в области религиозной жизни в стране, а, во-вторых, попытаться в целом внести в работу этого органа, который будет настроен радикально в политическом отношении, элементы традиционного православного понимания государственной жизни.

Второй вопрос, возникавший в связи с этим, касался того, нужно ли духовенству участвовать в деятельности политических партий? Позиция митрополита Антония (Вадковского) была в этом отношении очень определенная. Он был категорически против участия духовенства в деятельности политических партий – каких бы то ни было. Он был категорически против того, чтобы духовенство получило активное избирательное право, он признавал возможным только пассивное избирательное право. Представители духовенства могут участвовать в выборах как граждане России, но баллотироваться на выборах, выставлять свои кандидатуры они не должны иметь права. Он очень опасался, что Церковь нач-

нут использовать различные политические силы в своих интересах, что будет предпринята попытка создать клерикальную партию. И, таким образом, если церковная иерархия будет занимать ту или иную политическую позицию, это может подорвать и без того уже не очень прочный ее авторитет в обществе.

В общем и целом нужно сказать, что позиция митрополита Антония была весьма в этом отношении последовательная и правильная. Но не все так смотрели на ситуацию. В частности, синодальные чиновники были настроены подчас иначе. И уже в 1906 году произошел конфликт, который прогремел по стране.

В 1905 году возникло несколько крайне правых монархических организаций, которые считали, что именно они выражают интересы Церкви, а значит – Церковь должна поддерживать их и всю силу своего авторитета полагать для их победы на выборах и в политической жизни страны в целом. Крупнейшая из организаций такого рода была организация «Союз Русского Народа», у которой был даже свой храм недалеко от Конюшенной площади. И в 1906 году руководитель этой партии, Дубровин, пригласил митрополита Антония освятить знамена этой организации в Михайловском манеже. Митрополит Антоний категорически отказался. В органе «Союза Русского Народа», в газете «Русское знамя», была опубликована статья с гнусной клеветой на митрополита Антония, еще несколько правых газет выступили с таки-

ми же статьями. Говорили, что он – сторонник разрушения монархии и заигрывает с либералами. Это многих возмутило, потом самому Дубровину пришлось публично приносить извинения митрополиту Антонию. Но митрополит Антоний был непреклонен. Он до конца своих дней настаивал на том, что духовенство не должно участвовать в политических партиях и даже в деятельности Государственной Думы. В 1906 году он демонстративно отказался от должности в Государственном Совете.

Вся дальнейшая деятельность митрополита Антония после 1905 года была, в основном, сконцентрирована на предсоборной работе, и, когда эта работа была искусственно прервана в 1907 году, он это очень глубоко переживал. Последние дни его жизни, а он тяжело болел несколько лет, были отмечены ощущением того, что насущнейший вопрос нашей церковной истории, вопрос о созыве Собора и восстановлении патриаршества, так и не решался.

Болезнь митрополита Антония стала усугубляться в 1910–11 годах. Последний раз он посетил Синод 16 октября 1912 года, будучи тяжело больным. Скончался же он 2 ноября 1912 года.

Его уход из церковной жизни был, конечно, очень печальным явлением, потому что личность митрополита Антония была настолько авторитетна, что во все эти годы общероссийских смут ему удавалось объединять нашу церковную иерархию, в особенности, в вопросах церковных преобразо-

ваний. Он умел расшевелить пассивную массу нашего духовенства, доказать им необходимость преобразований, он умел умерять требования радикальных реформаторов, и, пока он был жив, серьезных конфликтов среди иерархии не было. Единственная сфера, в которой ему не всегда удавалось предотвратить конфликты, – это сфера политики. Тут у нас, к сожалению, началось дробление духовенства по политическим признакам, духовенство оказывалось в различных фракциях Думы и выступало не с единой церковной точки зрения, а с точки зрения своей фракции.

Хочу завершить рассказ о митрополите Антонии одним очень выразительным эпизодом. Отпевали его в Троицком Соборе Александро-Невской Лавры. Возглавлял заупокойную службу Владимир (Богоявленский), митрополит Московский, который стал его преемником на Петербургской кафедре, сослужило с ним 22 архиерея, и во второй паре архиереев на этом богослужении стояли два архиепископа: Антоний (Храповицкий) и Сергей (Страгородский). Оба они очень уважали митрополита Антония, оба были ближайшими его сподвижниками в работе Предсоборного Присутствия и, вообще, во всей предсоборной деятельности. Эти два человека, которые потом, через 15 лет, окажутся непримиримыми противниками, возглавят две основные Русские Православные церковные юрисдикции, в тот момент были рядом, и как будто с митрополитом Антонием они хоронили того иерарха, который, может быть, смог бы их примирить,

доживи он до того времени. Вообще отпевание было удивительным событием: 23 архиерея, 60 архимандритов и митрофорных протоиереев, около 150 священников и иеромонахов. Почти 250 служащих священнослужителей.

Предсоборное Присутствие

16 января 1906 года Император Николай II учредил Предсоборное Присутствие. Это был орган, который должен был в течение нескольких месяцев, максимум года, подготовить созыв Поместного Собора, подготовить для этого Собора проекты основных решений, т. е. осуществить очень сложную, очень важную подготовительную богословскую и каноническую работу.

Председателем Предсоборного Присутствия был назначен митрополит Антоний, его заместителями были два других русских митрополита: Московский – Владимир (Богоявленский) и Киевский – Флавиан (Городецкий). Состояло Предсоборное Присутствие из семи отделов, каждый из которых разрабатывал свой круг вопросов.

Первый отдел разрабатывал вопросы, связанные с составом и проведением Поместного Собора. Поместный Собор не собирался у нас 200 лет. История созыва Поместных Соборов в Православной Церкви давала примеры различных процедур избрания членов Собора, различные составы членов Собора; нужно было выработать проект, по которому должен созываться Собор. Как происходят выборы членов Собора? Кто осуществляет эти выборы? В каком количестве избираются члены на этот Собор? Как Собор будет проходить? Как на нем будут рассматриваться вопросы, прини-

маться решения и т. д. Этот же отдел должен был разработать проекты о преобразованиях высшего церковного управления. Напомним, что церковное управление имеет три уровня: приходское, епархиальное и высшее церковное управление. Возглавлял работу отдела архиепископ Черниговский Димитрий.

Второй отдел рассматривал всю совокупность вопросов, связанных с епархиальным управлением, созданием у нас митрополичьих округов, реформой епархиального управления, с расширением прав епархиального архиерея и т. д. Одновременно этот отдел рассматривал очень сложный и оказавшийся потом весьма большим вопрос о статусе Грузинской Церкви в составе Русской Православной Церкви. Возглавлял этот отдел архиепископ Литовский Никандр.

Третий отдел занимался вопросами церковного суда. Он тоже нуждался в преобразовании. Учитывая, что каноническое право было одной из самых сложных отраслей церковной жизни, целый отдел был выделен для обсуждения вопросов, связанных с церковно-каноническими сторонами жизни. Возглавлял третий отдел архиепископ Ярославский Иаков.

Четвертый отдел рассматривал вопросы приходской жизни: новый приходской устав, вопросы о распоряжении приходским имуществом и др. Возглавлял отдел архиепископ Могилевский Стефан.

Пятый отдел рассматривал вопрос о духовном образова-

нии. Руководил им епископ Псковский Арсений (Стадницкий). Это был известный уже к тому времени деятель в сфере духовного просвещения. Отметим, что знаменитые раскопки в Новгороде начал еще епископ Арсений (Стадницкий); он был специалистом в области археологии.

Шестой отдел рассматривал вопросы вероучения и, как вопрос принципиальный и значимый для руководителя этого отдела, вопрос о диалоге со старообрядцами. Возглавлял отдел епископ Волынский Антоний (Храповицкий). О нем мы будем с вами говорить в дальнейшем более подробно. Епископ Антоний был одним из рьяных сторонников диалога со старообрядцами и воссоединения их с Православной Церковью. Это был, действительно, очень важный вопрос. Важно, что именно епископ Антоний, который был сторонником возвращения старообрядцев в Православную Церковь, с сохранением, конечно, их богослужения, их обряда и т. д., одновременно был инициатором рассмотрения вопроса о канонизации Патриарха Никона, и материалы к его канонизации готовились к Собору 1917 года.

И наконец, последний, седьмой отдел, должен был разработать меры по ограждению православной веры в условиях веротерпимости. Это был, может быть, самый практический отдел, который должен был предложить конкретные пути такого изменения законодательства, которое позволило бы Православной Церкви не утратить своих внешних позиций и, самое главное, указать Церкви новые пути для осуществ-

ления своей проповеди, своей миссии в новых исторических условиях. Возглавлял отдел архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский).

Кроме названных архиереев в Предсоборном Присутствии принимали участие ведущие профессора Духовных Академий и университетов, в т. ч. в священном сане. Чтобы представить уровень Присутствия, перечислим наиболее известные имена: богословы профессора Глубоковский и Бриллиантов, историки академик Голубинский и Ключевский (профессор Московского Университета и профессор МДА). Из Казанской Духовной Академии – профессор Несмелов, довольно оригинальный философ. Из Киевской Академии – тогда известный проф. Завитневич, автор фундаментальнейшего исследования о Хомякове, очень интересного, очень содержательного. Правда, потом этот человек проявил себя не с лучшей стороны: он стал впоследствии одним из ведущих обновленцев. Предсоборное Присутствие работало почти год – с 3 марта по 15 декабря 1906 года.

Результаты работы Предсоборного Присутствия доступны. Был сделан сводный доклад, обобщивший все выводы Предсоборного Присутствия. Были изданы и протоколы его заседаний. Эти протоколы открывают перед нами очень яркую картину подлинно творческой, очень глубокой в богословском и каноническом отношении работы, подготавливавшей Поместный Собор 1917 года. Не будем сейчас подробно входить в решения Присутствия, потому что многое

из того, что было сформулировано на Предсоборном Присутствии, было реализовано на Поместном Соборе 1917 года, почему он и смог в таких тяжелейших условиях принять обилие очень серьезных, очень глубоких решений – они были уже предварительно предложены Собору Присутствием. Упомянем лишь некоторые важные вопросы, которые тогда уже были рассмотрены. Правда, необходимо иметь в виду то, что Присутствие – это не орган церковного законодательства как такового, он лишь предлагал материалы к работе Поместного Собора.

Вот несколько наиболее важных выводов, которые Присутствие представило. Все члены Предсоборного Присутствия единогласно высказались за необходимость восстановить Поместные Соборы, и было предложено созывать Соборы раз в 10 лет, учитывая масштабы Русской Православной Церкви. При этом предполагалось, что в митрополичьих округах Соборы будут проходить в соответствии с канонами раз или два в год. Собор должен быть органом, которому принадлежит высшая власть: законодательная, руководственная, судебная, ревизионная. В периоды, когда Соборы не функционируют, предполагалось, что будет действовать Синод, избирающийся Собором, а не назначающийся Государем, во главе с первоиерархом.

По поводу первоиерарха возникла дискуссия. То ли это будет просто первенствующий член Синода, избранный на Соборе, то ли это будет, действительно, Патриарх с соответ-

ствующим титулом. В частности, в этом отделе 14 членов выступали за то, чтобы патриаршество было восстановлено, а 8 – против того, чтобы был восстановлен патриарший титул первоиерарха. Среди противников восстановления были профессор Бриллиантов, Голубинский, Самарин. Аргументы были разные. Самарин, в частности, исходил из практических соображений: он говорил, что Государю Николаю II будет сложно принять эту идею, что он не согласится с тем, чтобы был Патриарх, чтобы происходило некое умаление власти Государя. Голубинский, хотя и был историком, человеком, очень хорошо знавшим то, как у нас патриаршество возникло, как оно существовало, считал, что патриаршество будет постоянно ограничивать соборное начало в Церкви и будет противоречие между Собором и Патриархом. Разные были аргументы, но большинство высказывались за восстановление патриаршества.

Высказывались и за расширение числа постоянных и присутствующих членов Синода. Обер-прокурору предлагалось занять очень определенное место – обер-прокурор отныне не должен присутствовать на заседаниях Синода, он должен лишь наблюдать за тем, чтобы синодальные указы не нарушали существующего государственного законодательства. И если таковые указы появлялись бы, он не мог их запретить, он должен был апеллировать к Государю по этому поводу – место еще более скромное, нежели то, которое представил обер-прокурору в свое время Петр I. Все эти преобразования

предполагали соответствующие изменения в государственных законах, в основных законах Российской Империи.

* * *

В процессе работы Предсоборного Совещания в апреле 1906 года произошло изменение Основных Законов Российской Империи, была установлена Дума как законодательный орган власти, был принят указ о веротерпимости. Предсоборное Присутствие предложило проект изменений Основных законов Российской Империи, содержащий в себе 12 пунктов.

Они должны были в условиях появления Думы еще до Собора защитить Церковь от вмешательства светских органов власти. Что конкретно имелось в виду?

Русская Православная Церковь обладает правом установления для себя новых законов с согласия Императора. Государь обладает правом просматривать законопроекты грядущего Всероссийского Собора и будущих периодических Соборов.

Только Император со стороны государства мог влиять на законотворчество Церкви, и только он окончательно имел бы право утверждать церковные законы.

Законы чрезвычайного Всероссийского Собора, периодических Соборов и постоянного Синода, касающиеся оплаты государственным казначейством

служащих Церкви или ее гражданских служащих, проходят обычную законодательную процедуру.

Вот все, что авторы проекта готовы были оставить на рассмотрение Государственной Думы и Государственного Совета.

Русская Православная Церковь в своих внутренних делах управляется свободно своими собственными учреждениями под защитой Государя.

Государю предоставляется ежегодно официальный отчет о церковных делах. Обычные периодические Соборы созываются с согласия Государя. Периодические Соборы созываются Государем во время избрания Патриарха.

Везде подчеркивается значение Государя. Именно ему, а не в Думу и Государственный Совет, предоставляется официальный отчет. Именно он, подобно византийским Императорам, созывает Собор.

Государь созывает Собор также в случае недостойного поведения Патриарха и наблюдает за ним. Чрезвычайный Всероссийский Собор, как и Святейший Синод и периодические Соборы, представляют свои законы на рассмотрение Государя через Патриарха. Если Государь лишен возможности лично присутствовать на каких-либо заседаниях чрезвычайного Всероссийского Собора или периодических Соборов, он назначает своего представителя.

Государь будет иметь в Синоде своего личного представителя в лице обер-прокурора, который не может принимать участие в решениях, но будет следить за тем, чтобы решения и законы Синода соответствовали законам государства. Обер-прокурор будет участвовать в высших государственных учреждениях, решения которых касаются церковных дел, в качестве представителя Государя и защитника Церкви. Обер-прокурор формально не будет членом Совета министров. Замена члена Совета по политическим причинам не повлечет за собой смены обер-прокурора.

Может показаться, что это второстепенный вопрос, на самом деле это было очень важно. Раз у нас появилась Дума, то, естественно, под влиянием Думы могли происходить изменения в правительстве, в Совете министров, и нельзя было исключать перспективы и ответственного перед Думой правительства. Таким образом получалось, что Дума, влияя на состав правительства, может влиять и на конкретную кандидатуру обер-прокурора, поэтому обер-прокурора надо вывести из правительства, и смена правительства не должна его касаться.

Самый главный пункт, четвертый, касался изменения 42-й статьи Основных законов Российской Империи. В это время она звучала так: «Император есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры». Предсоборное Присутствие предлагало ввести следующую формулу:

Император как Православный Государь является верховным покровителем Православной Церкви и охранителем ее благопорядка.

Разница существенна: не хранитель догматов, а лишь покровитель Православной Церкви, защищающий ее с внешней стороны, и охранитель ее благопорядка.

Предлагались соответствующие изменения и в области епархиального управления: митрополичьи округа, расширение самостоятельности епархий. Вот как раз в митрополичьих округах Соборы должны собираться, в строгом соответствии с канонами, два раза в год. Каждый епископ должен был регулярно собирать епархиальные собрания для обсуждения текущих дел, то есть соборное начало должно присутствовать и в епархиальном управлении. При епископе на правах совещательного органа должен действовать епархиальный совет, избравшийся епархиальным собранием.

Предсоборное Присутствие, вопреки мнению архиереев, высказанному в 1905 году, выступало за целесообразность избрания епископов, правда, было несколько вариантов избрания епископов на кафедру: то ли это будет избрание на епископском Соборе, то есть не назначение Патриархом или Синодом, а избрание на архиерейском Соборе; то ли избранные на Соборе епископы должны проходить утверждение в епархии, на епархиальных собраниях.

В сфере приходского управления предполагалось создание приходских советов, которые избираются, и с помо-

щью которых настоятель управляет приходом. Был разработан проект нового приходского устава. Вот это, пожалуй, было единственное предложение Предсоборного Присутствия, которое вошло в нашу церковную жизнь до Поместного Собора 1917 года. Новый приходской устав был принят 21 мая 1914 года. Он обсуждался не только в Синоде, но и в Государственной Думе и в Государственном Совете.

Предсоборное Присутствие отвергало идею о финансовом отделении Церкви от государства и настаивало на сохранении и даже расширении государственного жалования священникам. Духовенство бедствовало, а государство платило жалование лишь очень незначительной части приходского духовенства.

Присутствие подтвердило идею митрополита Антония (Вадковского) о необходимости наделить духовенство только пассивным избирательным правом и запретить духовенству баллотироваться на государственные должности. Кстати сказать, нынешняя позиция Синода (указ накануне избирательной кампании 1993 года) совершенно справедлива. Сейчас духовенство не имеет права баллотироваться. Но тогда это мнение Присутствия проигнорировали, и духовенство баллотировалось и участвовало в политических партиях.

Сводный доклад Присутствия был представлен Государю, он его изучал и 25 апреля 1907 года наложил на него резолюцию: «Собор пока не созывать». Это «пока» протянулось,

к сожалению, до 1917 года. Именно «к сожалению», потому что Церковь последние 10 лет Русской монархии была парализована и гораздо меньше, чем могла бы, препятствовала разрушительным процессам, происходившим в нашей общественной и государственной жизни. Победоносцевская мысль о том, что любые серьезные изменения государственной или церковной системы губительны для России, Николая II никогда не покидала. И действительно, он, пересиливая себя, пошел на подписание манифеста 17 октября 1905 года, а ведь это было начало революции, и после этого манифеста революция разрасталась с новой силой. Появились Думы, которые не столько поддерживали государственную власть, сколько расшатывали, и только третья Дума, собранная в 1907 году, начала позитивную работу. Император считал, что созыв Собора может расколоть церковную жизнь, вызвать в ней различные противоречивые тенденции, Церковь будет парализована в своей жизни, Собор не соберет церковную жизнь, а, наоборот, начнет ее разрушать. Начнутся дебаты, станут проявляться различные политические, общественные тенденции в духовенстве, и будет только хуже. Вообще же, в тайники души Императора проникнуть очень сложно; конечно, очевидно одно: раз он до конца своего правления к идее Собора так и не возвратился, значит, что-то в его душе к Собору не лежало. Это факт, который является, безусловно, виной последнего нашего Императора по отношению к Церкви. Он не делал того, что нужно ему

было бы делать, как православному христианину: он не восстанавливал каноническое устройство в Церкви, а жизнь вопреки канонам не проходит бесследно ни для Церкви, ни для государства.

То, что Собор оказался отложенным на неопределенное время, конечно, религиозную ситуацию в стране не улучшило, потому что все те законодательные акты, которые неизбежно активизировали деятельность других религиозных конфессий, принимались. Преобразования, которым положил начало манифест 17 октября 1905 года, проводились в жизнь, Русская Православная Церковь продолжала оставаться скованной, а инославные конфессии и нехристианские религии получили гораздо большую свободу, что было окончательно закреплено в апреле 1906 года указом о веротерпимости. Случилось то, чего опасался более всего митрополит Антоний (Вадковский).

Перед Церковью ставились и новые задачи, которые требовали решений, не имевших прецедентов в предшествовавшей русской церковной истории. В частности, манифест 17 октября 1905 года и внесенные на основе его изменения в Основные Законы Российской Империи, создали у нас орган, ограничивающий власть Государя – Государственную Думу с законодательными функциями. Таким образом, у нас началось преобразование монархии из неограниченной в конституционную, а, значит, возникала следующая ситуация: отныне все основные законы в России принимались по-

сле обсуждения и принятия их Государственной Думой, Государственным Советом и Императором. Имея в виду то, что многие государственные законы не могли не касаться Церкви, причем Православной Церкви прежде всего, ибо она была не только не отделена от государства, а находилась под особой государственной опекой, получалось так, что решения, важные для Русской Православной Церкви, принимались в государственных органах, которые уже никак – ни исторически, ни практически – не могли быть связаны с православной церковной жизнью. Если Государь Император миропомазан на царство и находится в исторически очень древней связи с церковной жизнью, то Государственная Дума, в которую должны входить люди, не только не православные по вере, но и антицерковно настроенные, – какое она может иметь отношение к принятию решений, касающихся Церкви?! Но, тем не менее, такой орган был создан.

Теперь не только Государь, но и депутаты Государственной Думы решали вопросы, которые являются прерогативой только церковной иерархии. И в этой связи, естественно, встает очень важный вопрос: а как духовенству относиться к участию в Государственной Думе? Если этот орган будет решать вопросы, касающиеся церковной жизни, а в этот орган люди будут избираться, то, может быть, стоит представителям духовенства также баллотироваться на выборах в Государственную Думу, чтобы, работая в ней, пытаясь в рамках той системы, которая сложилась, добиваться для Церкви ка-

ких-то приемлемых законодательных решений? Серьезный вопрос, тем более, что, например, финансовые ассигнования на Церковь уж безусловно, как все бюджетные вопросы, утверждались Думой. В этой сфере права Думы были очень широкие.

Митрополит Антоний (Вадковский), как и многие члены Предсоборного Присутствия, считал, что духовенству не следует участвовать в деятельности выборных государственных органов власти. Он даже считал, что не следует вступать в политические партии, но позиция другой части духовенства была иной. Точка зрения государственной власти сводилась к тому, что вовлечение духовенства в работу Думы позволит сделать эту Думу более лояльной по отношению к монархии, и государственные чиновники всячески способствовали тому, чтобы духовенство участвовало в выборах. Таким образом, Синод не принял указа, который бы запретил духовенству участвовать в работе выборных органов власти, и, естественно, не был принят и указ, запрещающий участие духовенства в деятельности политических партий. Духовенству открывалась перспектива вступления в различные политические партии, а это означало, что ко всем многочисленным проблемам нашей церковной жизни могла прибавиться проблема разделения духовенства по политическим признакам, политическим воззрениям.

Обзор политических партий

В 1898 году у нас образовалась Российская социал-демократическая рабочая партия. Это была партия социалистическая, основанная на идеях марксизма. В 1902 году в этой партии произошел раскол на большевиков и меньшевиков. И если меньшевики в значительной степени более следовали традициям европейской социал-демократии, то есть, действительно, были последовательными марксистами, то большевики более следовали традициям крайнего русского политического радикализма (Нечаев, Ткачев). Для них не объективное историческое развитие было главным, а идея захвата власти, и, захватив власть, считали они, они смогут построить какой угодно социализм, коммунизм в России. В то время, как меньшевики считали, что необходимо постепенное развитие России по капиталистическому пути и создание объективных предпосылок для перехода к социализму.

Разумеется, эта партия была настроена не просто антиклерикально; она не просто стояла на принципах отделения Церкви от государства, как это потом декларировалось в ее программах, но она была, в отличие от европейских социалистов, настроена антицерковно и антихристиански. Это характерная черта русского политического радикализма XIX века. Учитывая, что большевики постоянно говорили о необходимости установления в стране диктатуры пролета-

риата, о необходимости подавления всех эксплуататоров, то, естественно, и Церковь при таком подходе должна была подавляться, как все остальные эксплуататоры, а именно так вульгарно большевики воспринимали церковную иерархию. Приход к власти этой партии мог быть чреват для Церкви очень тяжелыми последствиями. Тем более, что большевики, в отличие от меньшевиков, активно участвовали в политическом терроре уже тогда. И хотя основная часть террористических актов совершалась эсерами, большевики всегда были склонны принять в них участие. Они занимались экспроприациями, то есть ограблениями, шантажом, вымогательством. Это были методы, для большевиков вполне приемлемые. Что касается участия духовенства в партии социал-демократов, то не трудно предположить, что в этой партии духовенство вряд ли могло принять участие. Действительно, неизвестно ни одного случая, чтобы в это время, до 1917 года, большевиком или меньшевиком оказался священник.

Другой самой крупной социалистической партией была партия эсеров, социалистов-революционеров, основанная в 1902 году. Эта партия объявляла себя наследницей русских левых радикалов-народников, поэтому она принимала народовольческую традицию террора, экспроприации. Но от большевиков они отличались тем, что их социализм не был связан исключительно с марксизмом, они говорили об особом призвании России, говорили, что у России особый исто-

рический путь, ведущий именно к социализму. Эсеры также выступали с позиций провоцирования России на революцию, причем, во многих случаях были радикальнее, чем меньшевики. Важно отметить, что эта партия, которая была антиклерикальна и выступала за отделение Церкви от государства, на практике также могла выступить гонительницей Церкви, ибо в ней антицерковные, антихристианские настроения тоже были довольно сильны.

Так как среди эсеров не было жесткой марксистской идеологии, среди членов этой партии подчас попадались люди, которые относились к христианству с некоей симпатией. Но то, что их роднило в целом с социал-демократами, это, безусловно, их резкие антицерковные и антихристианские настроения. С одной стороны, это было характерно для русского политического радикализма; с другой стороны, это было связано с тем, что с самого начала социализм у нас принимал форму некоей новой религии. Эта удивительная религиозная нетерпимость очень отличала русских социалистов от их единомышленников в Европе. Не нужно второго пришествия, мы принесем в мир такое царство справедливости и свободы, в котором уже и Бога не будет, и Церкви места нет. Хотя они претендовали на то, что являлись партиями рабочих и крестьян, основное ядро их руководства состояло из людей, происходивших из более состоятельных классов, из интеллигентов. Правда, интеллигентами в полном смысле слова их нельзя назвать, потому что, как правило, эсеры и

социал-демократы были люди весьма посредственно образованные. Это были люди, профессионально люмпенизированные, не случайно именно в этих партиях существовала такая дикая категория, как профессиональный революционер. Что это такое – профессиональный революционер? Это человек, который ничего не делает годами, а занимается только тем, что агитирует и организует заговоры. Что он мог сделать, придя к власти, если он не имел опыта ни государственной, ни научной работы? Очень был велик процент инородцев в этих партиях. Это тоже придавало этим партиям нарочито антиправославный характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.